

Наталья Волохина

Но здесь наша родина

Сборник рассказов

Наталья Волохина

**Но здесь наша родина.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Волохина Н.

Но здесь наша родина. Сборник рассказов / Н. Волохина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835370-3

«... И мы выжили. Мы — другие. Не знаю, лучше или хуже прошлых, теперешних, будущих. Мы — бывшие советские, и все еще в чем-то ими остаемся. Может, это и хорошо». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835370-3

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Я люблю тебя, жизнь, не надеясь, что это взаимно	7
Комсомольцы – добровольцы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Но здесь наша родина Сборник рассказов

Наталья Волохина

– Там хорошо, но здесь – наша Родина!

© Наталья Волохина, 2018

ISBN 978-5-4483-5370-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

У кошки родились котята. Как только они подросли, стала мамка уходить по кошачьим делам, а деткам строго наказывала: «За порог – ни шагу!». Сядут котята у двери и смотрят на улицу. Очень хочется пойти, а не велено. Как-то нарушили приказ. Баловались, играли, обследовали все кругом, но до кошкиного возвращения в дом юркнуть успели. Вот и спрашивают мамашу:

– Отчего нам нельзя за порог? Там так хорошо!

Кошка подумала – подумала и ответила со вздохом:

– Там хорошо, но здесь – наша Родина!

(Анекдот)

Я люблю тебя, жизнь, не надеясь, что это взаимно

Мою антисоциальную личность общественными институтами мама испытывала несколько раз. Когда была возможность без них обойтись, легко шла на попятную, когда нет – всячески меня поддерживала. Первый стресс у асоциального ребенка случился в четыре года. Что там у них с бабушкой не сошлось во взглядах на воспитание – не знаю, но меня отвели в детский сад. Противнее пахла только, настигшая позже школа. Из нескольких дней длинной в вечность (банально звучит, но не меньше), я вынесла гипертрофированный опыт многострадального советского народа в виде: системы общественного питания младенцев манной кашей, полного подчинения – сидячие мини-сфинксы в позе «ручки на коленочки», эзковских стайных разборок между сильными детьми рабочих, пассивной обособленности генетически пугливых «домашних». Есть кашу меня не принудили ни голод, ни тетки – воспитательницы. В позе «на коленочки» защитило повышенное торможение на активный раздражитель, как и в ситуации с массовым испражнением по расписанию. Агрессивную лидирующую самочку, возбуждаемую моим спокойствием и неприкасаемостью, отрезвила, дистанцировала неожиданным для себя самой способом – ударом тощей, длинной, пластмассовой куклы по голове. Похожим приемом отучила ровесников раз и навсегда дергать меня за косы и включать в «активные игры» в первом классе. Встала на сиденье парты и тяжеленным, полнешеньким деревянным пеналом огрела по голове самого задиристого и доставучего мальчика так, что у него слезы из глаз брызнули. Больше меня никто никогда не трогал. Не толкали в узком коридоре мальчишки, чтобы лишний раз прикоснуться к запретным местам, не говорили дерзких словечек, словно вокруг меня был меловой круг Хомы Брута. Интересно, что не помню холодной ярости или эмоционального захлёста. Мгновенная ответная реакция, единственно правильная и возможная в нужный момент. Рефлекс?! Инстинкт?!

Жить по правилам заставить меня было (и есть) невозможно. Лежачая забастовка между огромным бабушкиным животом и теплой ковровой стеной в сочетании с дедушкиным весом словом закончилась моей полной победой – в детский сад больше не повели. В случае со школой приходилось использовать другие способы защиты, вырабатывая взаимный имму-

нитет. Я интуитивно находила методы безопасного сопротивления, ухода от прессинга «Большого брата», одновременно, приучая его мириться с моей неуправляемостью. Постепенно научилась успешно манипулировать им, пользуясь божьим даром редкой птицы. Нуждаясь в птице, он разрешал ей петь, дерзить, отпуская несоветские грехи. На самом деле, кто-то высший вел нужной дорогой, защищал, оберегал, наставлял, предоставляя возможность делать то, к чему приставлена, но и спрашивал строго – там ли я, где надо, неумолимо возвращая на место: «Стой, где стоишь!». А неуправляемых и не таких обламывали. Свой, разрушительный для системы путь, по возможности, не вступая с ней ни в открытый конфликт, ни в близкие отношения, используя её же правила игры, против неё самой, я нащупывала и торила с детства. Конечно, ничего нового – были такие во все времена, как и яростные борцы, – у каждого своё назначение.

Форма. Колючее школьное платье коричневого цвета из магазина «Детский мир» с подшитым, как у солдата, белым воротничком, самовольно заменено синим, шитым на заказ, короче некуда, стильные сапожки на фоне обуви массового производства типа «прощай молодость». «Ну, хоть бы коричневое!» – пожурела, удовлетворяя вопивших училок, моя любимая директриса. Узкая черная юбка со шлицами неприличной высоты, яркая блузка вместо «белый верх – черный низ», немыслимы, недопустимы в заведении, имеющем в городе два названия: «педулице» и «институт благородных девиц». Неизменный приход ко второй паре. Все сходило с рук. Сначала, конечно, выпили ведро крови. Защищалась кашлем и соплями, а тошнило от них до самого окончания. Была и там сильная покровительница, немедленно вычислившая и взявшая под крыло. Иначе прессовали бы, пока не ушла. В последние год-два ходила только на несколько пар по методике преподавания и на практику, сдаваемую неизменно на «отлично». На «выпускной» не пошла.

От школы отвертеться было невозможно, но первая же акция протеста принесла и здесь свои плоды. В четвертом классе полтора месяца не ходила на занятия после того, как, уважаемая за редкий среди наставников интеллект и своеобразие, учительница истории, походя оскорбила меня перед всем классом на уроке. Мама тут явно не при чем, я её и не травмировала. Утром уходила «в школу», после обеда возвращалась, делала уроки (тайно доставленные подружками). Тетки из родительского комитета пришли навестить «больного» ребенка и открыли ей глаза. Тренированная нашей с сестрой мотивированной неуправляемостью, мама выслушала молча мои объяснения, выяснила отношения со школой и историчкой, после чего сообщила мне о неизбежности возвращения в лоно общего образования. Тогда-то и обрела я на много лет защитницу и проводника в лице директора школы – Виктоши. Манеры, осанка, маленькие ножки неизменно носками врозь, походка – все выдавало не только породу, но и принадлежность к своим – «балетным». Спонтанное желание «поправить» выскочку, раздражение, у некоторых педагогов явная ненависть, неизменно спотыкались о надменно-жесткий Викин взгляд, которого было достаточно, чтобы унять ретивых радательниц системы. Особенно раздражала я географичку, возможно, поэтому у меня явный географический креатинизм.

В начальной школе жертвой моего негативизма стали таблица умножения и прием в пионеры. Поначалу с таблицей все обстояло хорошо, но милейшая Светлана Ивановна так часто и настойчиво внушала, что мы обязаны выучить таблицу, а заодно и клятву юных ленинцев, иначе нас в них не примут, что у меня выработалось жесткое сопротивление. Таблица, которая запросто отложилась в моей голове, улетучилась, и я плохо знаю её до сих пор, а заклятие красного галстука, прочно занявшее её место, могу продекламировать легко. Жаль, что при счете все эти «Взвейтесь кострами» и «Всегда готов» не помогают. Я пыталась заново выучить таблицу, просила учительницу, дивившуюся метаморфозам моей памяти, не принимать меня в пионеры, хотя бы ради математики, но она сказала, что все отличники и ударники обречены на заклятие под горн и барабан на Сборе Дружины пионеров школы, перед лицом своих това-

рищей, в праздник Великого Октября. Так что вместо четкого ответа на вопрос: «Девятью девять?» – я горячо люблю свою родину и всегда соблюдаю законы пионеров Советского Союза.

Перед вступлением в комсомол старшие товарищи вынуждены были меня поправить, из самых лучших побуждений. Виктория, прикрыв дверь в свой кабинет, доступно объяснила, что ни в одно высшее учебное заведение меня без комсомольского билета не примут. А для большей пользы в будущей биографии лучше мне побыть комсоргом школьной организации. Она была интеллигентная, умная, тонкая женщина и умудрялась служить директором советской школы, к тому же искренне любила меня и прикрывала, как могла, короче, я ей верила. В райкоме комсомола меня встретили симпатичные, умные парни, с которыми дружила потом много лет. Все всё понимали и жили, как умели, выживали, как могли, главное, что мне не пришлось столкнуться с подонками, карьеристами комсомольско-партийного разлива. Бог миловал. Напротив, долгие годы моими друзьями были ребята, сделавшие комсомольско-партийную карьеру и оставшиеся порядочными людьми. Равно как и диссиденты, космополиты, были и остались друзьями в этом перевернутом мире.

Комсомольцы помогали, диссиденты просвещали, развивали. Первые не пытались окрестить в свою веру, связь со вторыми не причинила вреда. Кто-то незримо охранял, отводил, ставил в независимое положение в защитном меловом круге, при тотальном дурдоме, за чертой было безопасно и странно при моей полной, почти неприкрытой, аполитичности. Меня невозможно было принудить читать политинформацию, ездить на картошку, ходить на субботники и «чистые четверги».

С партбилетом у них номер не прошел. Я рано стала руководителем. На этой должности без лояльной корочки не держали, но я им была нужна больше, чем они мне, и бдящие смирились. Не знаю, может, было уже другое время, время позднего застоя, хотя за моим еврейским неблагонадежным другом присматривали, в психушки укладывали, но я делала все, что хотела. Загадка какая-то! Не скажу, что было легко, получала и по мордам, но больше не от власти, а от завистников.

Любопытная вещь случилась с историей партии. В каждом из оконченных институтов сдавала её, не помню сколько раз, и всегда успешно, видно, таблица умножения заместила в моей памяти не только клятвой пионеров, но и прочей идеологической галиматьей одноментно и навсегда.

Ненавидела, презирала, игнорировала, органически не принимала, отторгала массовую религию – советскую власть. (Вспомнила недельной давности наставление моего немолодого, многоопытного друга: «Только власть не трогай!»). Ненавидела за изъятие меня вместе с прабабушкой Аней из благополучной «другой» жизни, за раскулачивание и убийство родни по бабушкиной линии, унижение социально чуждого деда, расстрел маминых родителей, её детдомовское детство (наложившее неизгладимый отпечаток на судьбу и характер), за мою вечную тошноту при неизбежной необходимости быть вовлеченной в постыдные, обрядные, публичные советские обрядовые камлания и прочее непотребство. И ненавижу по-прежнему за подлую манипуляцию сознанием огромного числа людей, знакомых мне, замечательных людей, мозги которых были промыты и засраны через лучшее – музыку, песни, стихи (не дешевые агитки, а талантливые!). Так влезть не только в мозг, но в душу человека, ослепив, оглушив, слив с управляемым стадом («в едином порыве»). Не выношу «Подмосковные вечера», «На трибунах становится тише», сразу выворачивает, хотя, формально причины нет. Когда «Подмосковными вечерами» «повязывали», я еще и не родилась. Но эти гады втраивали, наделенных даром Божиим, в поддержание массового психоза. «Любовь комсомол и весна!», «Неба утреннего стяг, в жизни важен каждый шаг...», «И Ленин такой молодой...», «Я, ты, он, она – вместе целая страна...» (целая страна!). Ненавижу их за то, что и у меня внутри отзывается стадное на трубный зов. Хотела бы использовать другое слово вместо «ненавижу», но ни одно не подходит.

«Потерпи немного, закончишь школу, поступишь в институт, студенческая жизнь – свобода...». Наивно верила. Летела на первое занятие, как на первое свидание: брюки колоколами, волосы по плечам, подкрашенные глаза сияют. Кураторша в орденоносном педулище популярно объяснила, что с сегодняшнего дня мы будем формировать образ скромного советского педагога, а такой «распущенный» педагог нам не нужен. Поэтому: волосы в пучок, глазки (умытые) в землю, рот на замок (отвечать, что спрашивают и когда спрашивают), юбка ниже колен – черная, блузка с рукавом до запястья – белая. Как говорил Остап: «Я потерял веру в человечество!». А похоронили её октябрьским холодным утром вместе с преставившимся директором, создавшим сие образцово-показательное учебное заведение по выпуску исключительно советских учителей. Директора похоронили, а «кующий счастья ключи» педкомбинат, остался, и я в нем. Это действительно была образцовая школа, научившая меня жить внутри системы с минимальными потерями. Позднее ни один институт, ни одно советское учреждение не оказывали на меня столь сильного травмирующего действия. После него хоть на Луну без скафандра. Советский народ долгое время донимал, но система – меньше.

Советский народ. В трудной борьбе на идеологическом фронте проходила жизнь одной моей начальницы. Она занимала должность зам. директора по идеологической работе. Старейшая партийная стерва «полюбила» меня с первого знакомства. Чувства подогревала моя полная неподвластность её службе и неуправляемость. Поскольку мелкие пакости, сплетни и прочая подрывная деятельность юной любовницей игнорировалась, нужна была другая тактика. Все же партийный стаж и закалка – великое дело. Она четко все рассчитала. Был ажиотаж перед большим партийным праздником и большой концерт – соответственно. Выждав грим, костюм и команду «на старт», дамочка подкараулила меня в пустом коридоре, по пути на сцену, и попросила к себе в кабинет. Видно, предконцертная вздрючка выключила мозг и чувство самосохранения – я к ней поднялась «на минутку». Отрезвление случилось, как только она села за стол и «двинула» меня без слов волной пролетарской ненависти, а уж потом добила, выложив претензии об игнорировании интересов коллектива, высокомерном поведении с товарищами по работе и прочее, фразой: «Что? Вырвалась из грязи да в князи?!». Фольклор, наверное, изучала в Высшей партийной школе. Я опомнилась и пошла работать. Главреж, уже накручивающий петли по закулискому «карману», в поисках ведущей, хотел гаркнуть, но впечатленный моим отмороженным лицом, бросился спасать ситуацию. После объяснялок побагровел и, пожевав разные слова с окончанием «мать», рванул на выход. Не только у меня в тот день было плохо с самосохранением. Желание насладиться триумфом, делом рук своих, принесло её в неположенное место – за кулисы. Маленький, жесткий как гвоздь, главреж, прижал высокую, плоскую партидуру к кирпичной небеленой стене и тихо, со свистом прошипел прямо в лицо: «Если ты, сука, еще раз эту девочку, хоть пальцем... задущу!». Лично я ему сразу поверила, она, судя по выражению лица, тоже. С тех пор даже не смотрела в мою сторону.

Комиссарши часто учили меня «жисть знать». Впрок. Я узнала, как можно безопасно жить между ними. Самое большое удовольствие – раскрывать их козыри публично. Однажды в чудный летний день, в обеденный перерыв, две боевые подруги грели многочисленные складки на солнышке. Вырвавшись на небольшой передых, я тихонько млела у дам за спиной. По дорожке к офису летела яркой стрекозой наша сотрудница Муся. Сексапильная, харизматичная, хорошо одетая Муся, перед которой мужики сами собой в штабеля укладывались, приводила сотрудниц в состояние тихого осатанения. Они шпыняли её втихушку и открыто. «Вот, блядища, – прогудела, которая пошире и полысей, – мужик на работу, а она намазалась и на блядки!». Вторая одобрительно подпела. Муж у Муси был летчик, детей трое, дом образцовый, а шла она на работу, которую, впрочем, в силу творческой профессии, можно было отнести и к блядкам.

– Зин! А ты Мусе завидуешь?

Зина вздрогнула, не зная, что я за спиной стою.

– Чему? – презрительно покривилась блюстительница нравов пухлым лицом.

– Ну, что мужики её хотят, а тебя нет.

– Вот еще! У меня муж есть.

– А, значит, ты за неё переживаешь! Так она сейчас подойдет, ты скажи, мол, Муся, спать не могу, есть не могу, из-за того, что ты блядь.

Толстуха молча пыхла.

– Не можешь? Хочешь, я скажу: «Муська, не блядуй! Зинка жить не может, болеет, так за тебя переживает!». Сейчас подойдет и скажу.

– С тебя станется.

– А с тебя нет. Я, родная, если еще раз услышу от тебя или еще от кого, прямо при всех и попрошу её от вашего имени. Я могу, ты знаешь.

– Да, уж!

– Ты меня поняла?

Гусеница боролась с собой. Молчала, только внутри кокона так все шевелилось, что того и гляди, бабочка вылупится. Не вылупилась. После повторного вопроса, тихо прошипела:

– Поняла.

– Вот и славно! Здравствуй, Муся! Девчонки тут толкуют, как ты шикарно выглядишь! – проговорила я под напряженным Зининым взглядом.

Гусеница, кстати, в свое время увела мужика из семьи, родила ему ребенка, окуклилась и перешла в разряд порядочных женщин. Была секретарем партийной организации в нашей конторе, морально устойчивым бойцом невидимого фронта.

Партийный придурок от культуры, кислוגлазый неуч Иван Ильич очень возбуждал моих многочисленных подчиненных – лабухов (музыкантов). Образованные, творческие, некоторые даже талантливые, ребята, хоть и выросли вместе со мной в Стране Советов, но иммунитетом часто были слабоваты. Не всегда могли с присущим им юмором отнестись к дегенеративной цензуре Ильича. Иногда доходило до абсурда. Принимает Иван Ильич концертную программу, то бишь, решает, что подходит советскому зрителю, что нет.

– Плохо, все плохо, – оценивает он художественные достоинства программы.

– Массовости не хватает. Чудесный танец поставили, – обращается к хореографу, – но почему бы им не станцевать дуэт втроем, вчетвером?

Зал давится от смеха. Оратор ничего не замечает вокруг, увлеченный разбором полетов и значимостью своей роли.

– Монолог у актера какой-то упаднический, – удивляет он режиссера образованностью, – умирать собирается от несчастной любви. От любви не умирают, она должна гражданина на трудовой подвиг поднимать.

В массах тихая истерика.

– Или вот вы, – обращается он к руководителю джазового оркестра, – каких-то иностранных авторов исполняете. Неужели нельзя выбрать хорошую музыку наших, советских, композиторов? И зачем вы всю сцену пюпитрами загромождали, перед каждым музыкантом пюпитра. Можно и одну на троих поставить. Уберите пюпитру.

В зале редкие всхлипывания. Руководитель оркестра – высокий, тощий, длинноволосый, похожий на Леннона, умнящий парень, талантливейший музыкант – сидит в первом ряду. Нога на ногу, покачивает носком узкой туфли, поправляет круглые очки и тихо, но внятно роняет:

– Понимал бы что, козел!

Тишина, наконец, взрывается диким, долго сдерживаемым хохотом. Цензор замирает, багровеет, хватая ртом воздух, делая вид, что ничего не слышал, резко сворачивает выступление.

Честное слово, я ничего не прибавила и не изменила. Привела практически дословно речь Ильича. И так много лет. Ясно теперь, отчего музыканты возбуждались? Когда я бралась

сама подписать их репертуар на месяц, они прощали мне все прошлые и будущие грехи. Нужно было иметь мою нервную систему и отношение к власти предрешающим, чтобы не только спокойно выслушать монолог «управляющего культурой», но и получить его подпись. Иностран-ных авторов разрешалось исполнять не более 20% от всего репертуара, названия перевести близко к тексту «Морального кодекса строителя коммунизма», главное, суметь доказать лояль-ность текстов. Обычно звучал примерно такой диалог:

– Что за песня такая – «Узкие высокие стаканы»?

– Это не песня – музыкальная пьеса. Просто дословный перевод названия.

– Но пропаганда пьянства!

– ???

– А это? «Двое в пути в душном купе»? Что могут делать в купе два человека в дороге?

– Каждый решает согласно своему воображению и воспитанию. Это просто музыка, ничего крамольного.

– Но что вообразят молодые люди, если объявят про двоих в купе в долгом пути.

– Про долгий путь в названии нет ни слова.

В таком ключе еще часок. Советская эстрада принимается без разногласий.

Я предлагала ранимым творческим работникам относиться к власти, как наш конюх Иван. Иван ухаживал за пони и мини-лошадками. Своё отношение с властью он выяснял следующим образом. Чистил конюшню и животных, выпивал обязательную бутылку водки и ложился спать, а дверь оставлял открытой. Приученные им лошадки, знали, где неподалеку самый вкусный газон и отправлялись прямешенько к зданию горисполкома. Выпас продол-жался до гневного звонка из приемной председателя. Дежурного милиционера и кого-либо, кроме Ивана, зверушки игнорировали, приходилось его будить и отправлять спасать газон. Действовал он, конечно, умышленно, чего и не скрывал, но уволить его не могли – пойдй найди в городе конюха. К тому же дело свое делал хорошо, а про газон мрачно отвечал: «Нельзя животных одним сеном кормить, им травка требуется, а где её взять? Гулять, опять же, надо, коню свобода нужна, воля, а то заболает, в стойле-то». Ох, как нужна свобода и не только коню! И как мы болели в стойлах, маленькие лошадки и большие кони! Только не было у нас своего доброго конюха и приходилось пользоваться Ивановым способом освобождения – бутылкой и провокацией системы в пределах допустимого.

В перестроечные времена мне часто снился кошмар, что ничего не было, все только при-снилось и сейчас я проснусь, а все по-старому. Я вскакивала в холодном поту, пытаюсь отделить сон от яви. Я больше не пережила бы застоя. До мозга костей меня пробирало Ахматовское: «Здесь никогда ничего не случится, – О, никогда!». Перестроечное время было очень трудным, но замечательным. Мы многое потеряли, но многое обрели. И если кто-то не знал, что такое свобода и что с ней делать, меня она приводила в давно забытое состояние восторга, счастья. Одно воспоминание о годовом отчете и календарном плане на триста листов, идеологически выдержанных, как Штирлиц, приводило в исступление. Товарищи по работе и подчиненные входили ко мне в кабинет в планово-отчетный период только в случае крайней необходимости в каске и бронежилете. По завершении сих трудов мне полагалась официальная премия и неофициальная бутылка коньяку. Путь от конторы до райкома партии (исполкома, отдела культуры) напоминал дорогу на эшафот, с каждым годом преодолеваемый со все большим отвращением к неизбежной экзекуции и к себе самой. Периодически я увольнялась с работы, запиралась дома, читала, слушала музыку, пила кофе, валялась на диване. На мое место никого не брали. Очищенная, наполненная, набравшаяся терпения, сделав выбор «жить дальше», я возвращалась. У НИХ был праздник. Иногда, ложилась надолго в больницу, это худший спо-соб – я болела тяжело и по-настоящему. Но это только, когда больше не могла терпеть, хотела уйти из жизни. На обывательский взгляд я бесилась жиром. Родина меня любила, прилично платила, ребенку – лучшие ясли, мне – шикарный санаторий, выпускала за рубеж, терпела бес-

партийность и зубастость, создавала все возможности для творчества, прощала многочисленные закидоны, начиная от периодических увольнений и кончая полным отсутствием уважения к ней самой. Но если бы эти проклятые «генсекретари» не открыли клапан и не выпустили пар, я не в силах была бы больше здесь оставаться. Хотя, написано, что по ноше и сила и больше, чем можешь унести, не дадут, но срывались же, уходили и более сильные, и более талантливые.

Юра. Редко сходятся в одном человеке талант, красота, ум, порядочность. Штучный товар. Он был таким. Музыкант от Бога, замкнутый, малоразговорчивый, с улыбкой Будды на прекрасном лице. Шапка черных волос, карие загадочные глаза-звезды, руки музыканта. Смерть всегда шла за ним по пятам и мстила за то, что пока не его срок. Совсем молодым страстно влюбился (по-другому не смог бы), женился, родили ребенка, музыка лилась из него рекой. Она погибла, попала под машину. На него страшно было смотреть. Запивал безуспешно горе водкой. Но, определенно, этой муки было мало для душевной стройки, для музыки. Все повторилось. Любовь и смерть. Бродил, молчал, пил. Вокзальная буфетчица привела к себе домой и тихонько втокнула в какую-то колею, где колыхалась спокойная гастрольная музыка, дом в межгастролье и даже новорожденный сынок. Он был ей благодарен, всегда возвращался, почти ручной. Увидел девочку – птицу яркоокрашенную, почувствовал душевное родство, потянулся, бросил гастроль, ушел из дома, без руля и ветрил носился с ней, падал на колени, цветы охаживал, музыка. Девочке нравилось, льстило, про родство душ дошло позже. Увидел, как она целуется со случайным мальчишкой. Ушел, как всегда, в молчание и водку. Она кричала, билась – не открыл. Вернулся к буфетчице. Не мог простить, что живая ушла – предательство. Душевную боль привык терпеть, только сердце все больше сдавливалось, а оно пыталось вырваться.

Когда Костлявая встала у него за спиной, сразу все понял. Девочка вошла в ресторан, он увидел, отложил гитару посреди номера и пошел к ней через зал. Все замерли в тишине. «Я люблю, но вместе не быть. Прощай!». Вскинулась и сникла – все предрешено. Через неделю умер на автобусной остановке, под окнами кардиологического отделения, – разрыв сердца. Тосковала, снова и снова распадалась на части, собираясь для новой муки. Пришел во сне. Молила взять с собой. «Тебе пока нельзя со мной». Уезжал в грузовике, с музыкантами оркестра, как на войну. Кричала, цеплялась за борт машины. Показал мертвое лицо, чтобы испугалась. Осталась. А часть сердца с ним. Так и живет с половинкой сердца: «Юра, где ты? Хочу к тебе!»

Саша. Музыкант с музыкальной фамилией Баянов, может, вещий Баян. Сбежал от своих лабухов (музыкантов) и жмугов (похорон) к режиссерам. Дурачился, оттаивал, наполнялся другим – стихами, разговорами, спорами. Подходил к девочке – иной, не похожей на певичек, ни на кого не похожей. Легко присоединялся, на одном дыхании в такт говорили, как пели, о важном. Гуляли, пили весну. Не про любовь, про душевное родство. Страшное не раскрывал, мукой не делился. Один только раз попросил пойти с ним к другу, всю дорогу ждал, что догадается, остановит. Страдание в глазах. Не понимала. Спросила, он не сказал. Взял «дозу» (она не знала – дитя наивное), проводил, простился навсегда. Ушел из жизни. Звала, не приходил во сне, только его музыка вдруг врывается из ниоткуда: «Не горюй, не вини себя, не останавливай бы, выбор был сделан. Живи. Я рядом».

Сергей. Огонь. Маленький факел. Все, кажется, сейчас войдет, сверкнет лукавым карим глазом: «Я тут! Споем? Я вас за пьянство не хочу обидеть, но вы, ребята, в абстрактном виде...». Ростом мал, но ладный, литой по форме идеального мужского тела. Похож на зажженную электрическую лампочку, пытающуюся стать ракетой или кометой, вывинтится и взлетит. В тусовке младше всех. Не высовывается, но заметен. Учится всему, когда можно что-то выдать – удивляет, радуется, сверкает, переливается жемчужной капелькой. Знает себе цену, но не претендует, где не надо. Сын богемного полка. Испорченность водкой, свободой отношений и целомудренность одновременно. Может, комплекс маленького роста, младшего. Или

сравнивает себя постоянно с лучшими в команде – способный, но не талантливый, красивый, но недомерок, нужный, но обойдутся и без него. Мальчик-игрушка.

Дома тоже младший. Родители умерли, старшая сестра за главную. Растит бездетный дядя – высокопоставленный партийный бонза. Мальчик очень на него похож. Держит племянников в отдельной квартире, контролирует, дает деньги, песочит, как подчиненных. Не разумеет бездетный родственник, что дети – не подчиненные партократы, вот и растут, как трава. Девочка выходит замуж, как-то устраивается, мальчик остается совсем один. В дом ходят богемные взрослые и малолетние раздолбаи. Сначала просто водка, сигареты, треп. Потом немножко анаши. У старших познакомился с амбициозным, известным хореографом и известным подонком. Тот тихонько прозондировал и стал поставлять через него травку приходящим пацанам. Должно быть, тогда и послал первый раз курьером. Никто не знал. Сестра застучала обкуренных ребят в его квартире, Сережка тоже в ауте, дядя принял меры. Казалось, затих, пошел учиться. Но было поздно, уже попробовал «герыч». Долго успешно ездил курьером, подонки процветали. Дядя вытаскивал много раз. Бесполезно. Пытался «соскочить» сам.

Дальше две версии. Прибило к берегу со скрученными проволокой руками, синей шеей, объединенным лицом. Причастен наркоподонку. На похороны никого не позвали. Вторая – для любивших. Дядя увез, спрятал, запер, лечил. Видели много позже, случайно, далеко, жив – здоров, в порядке.

На Рождество колядовали. Сергей в белом полушубке наизнанку, на ремне у пояса молочный, эмалированный бидон, на плечах гармошка. Частушки брызгами. В бидон бросают монетки, туда же сливают спиртное – все подряд. Он извергает с песней эту смесь из спирта, меди, серебра, жизни, любви, страха, одиночества... А мы подхватываем. С ним хорошо! Горит, не чадит (не жалуется), мальчик – факел. Это только в пьесах чуткие друзья все видят, понимают, приходят на помощь. В жизни просто любуются фейерверком.

Прости, мальчик, где бы ты ни был, прости!

Георгий. Единственный ребенок у тихих советских инженеров. Хороший мальчик Гера стал инженером-электриком, но не тихим. Постоянно лезло из него электричество, сыпались искры. Играл в самодеятельном театре. Женился на девочке из многодетной семьи, ушел к ней в дом, жил с многочисленным тестевым потомством, родил своего и взял из детского дома чужого. Мама плакала, звала домой со всем семейством, не шел. Служил в антрепризе с профессионалами. Обычный, неприметный, гримировался, переодевался, преображался. Редкое дарование комедийного актера. Перестройка, как выбросила на волне в театр, так и вернула в электроинженеры – детей кормить надо. Убило током на работе, потерял чувство опасности, видно хотел вернуть свои искры.

Ушел в августе, в звездопад.

Наступит и мой счастливый срок уйти. Хорошо бы, в свой месяц, под созвездием Льва.

2015 г.

Комсомольцы – добровольцы

Каждый из этих ребят сделал для меня в жизни что-то хорошее. Я люблю и помню их, какими были, надеюсь, и есть. А те из нас, которые без греха, почему не возносятся?

Долгое время испытывала к «ним» презрение. Отправляла на переговоры в парткабинеты по служебным делам методисток. Однажды устроила разнос за низкую результативность, девицы оправдывались, потом заершились – сама бы попробовала. Пошла, попробовала, договорилась. «Комсомольцы» доверия не вызвали, но и большого отвращения тоже. В горкоме сидели помоложе, в обкоме старше и матерее. Забавно, что их карьера соответствовала моему взрослению. Секретари горкома оказались бывшими секретарями райкома, принявшими меня в комсомол. «Вот, значит, какой у них цикл», – вычислила я.

Умненькие. При выгоде русский язык понимали, при шантаже, тем более, а я в обеих областях мастер. Года два училась их терпеть, понимать, прилаживаться, а они меня.

Логика сторон. Моя. Ну, ребята не нашли себя, вернее, нашли, но не там, где другие люди. Ну, карьеристы, а где их нет. Тем более, работа такая. Ну, есть среди них подонки, подсиживальщики, подпевалы. А где без них? И не все подряд. Ну, несут идеологическую чушь. Так, только на работе. Работа такая.

Их логика. Красивая баба, хоть и стерва. Сообразительная. Хоть и наглая сверх меры, но нужная. Зацепить не за что, терпеть выгоднее.

Ухаживали и приставали, но не наглели. Как-то их галстук в сочетании с комсомольским значком отбивал всякое сексуальное влечение. То ли глазки холодноваты, при вполне очевидной эрекции, то ли предубеждение моё.

Коренастый, курчавый красавчик, секретарь горкома Анатолий. Улыбчивый, sentimentalный, отзывчивый, но себе на уме, в критический момент взгляд серых глаз – холодная сталь. Осторожно демонстрирует внимание. Рискнул репутацией, пошел провожать, значит, сильно неймется, а может, имел «серьезные» намерения. Подошли к подъезду, смотрю на него, что будет делать. Не лапает, косит боязливым, просящим, кобелиным взглядом. В открытую не напрашивается, даю от ворот поворот – обижается. Самолюбие оказалось больше роста, после не подходил, превозмог шевеление в штанах – характер нордический.

Женился секретарь на «правильной», симпатичной девчонке, с ней прошел огонь, воду и медные трубы. «Трубы» оказалось сложнее всего пройти. Почему-то всю жизнь не получалось у него высоко прыгнуть. То ли старшие товарищи мешали, то ли привычка ждать начальственного окрика и слушаться. На заре Перестройки еще держался в «их» команде, но там всегда каждый за себя играл. Благодаря «дружеской» «подставе», остался один, мобилизовался

и, наконец, прыгнул – дело свое открыл – заводик мясоперерабатывающий. Назвал выразительно – «Варяг», но не потонул. Тут-то «трубы» его испытали. Не столько деньги, сколько привычка запивать напруг водочкой. Но женка «правильная» и на этот раз не подвела – вытаскивала.

Игорь. Соответствовал своей откровенно славянской фамилии, не то слега, не то мажара. Хотя и прямой, во всех смыслах, как жердь, но «опыленный» идеологической работой, уже хитрил и лицемерил, пока неумело – до откровенного карьеризма еще не дорос, а правила игры уже просек. Иногда, по простоте душевной, шел напролом.

Пригласил на свидание, на реку. Провожатых в тот жаркий день не намечалось, а отдыхать в одиночку девушкам на городском пляже не безопасно. Поплескались, поболтали, ну, насколько он мог. Проводил до пресловутого подъезда. Струсил напрашиваться на продолжение, уж больно категоричным тоном прощалась. Ретировался. Потрепыхался малость еще и остыл, отплыл. Самое неприятное воспоминание: после ныряния вымыло все сопли ему, он не чувствовал, не утирался, так и шел до самого дома, сопляк. Интересно, что сопляком он на всю жизнь и остался, недоучкой с институтским значком.

Валерий, с польской, слегка промозглой фамилией. Хорош собой, интеллигентен, умен. Лукавство, не подлое, скорее, защитное, с посылом: «Ну, мы же с вами понимаем...». Может помочь. Сексуальное преодолевает разумная выгода. Пытается совмещать приятное с полезным. Женился на полезной и симпатичной. В перестройку попытал счастья на исторической родине, вернулся. Там своих «панов» хватало, а денежек для их существования – нет. Старые связи, опыт «комсомольской» работы, соображалка, обаяние, упорство, женина родня – бог его знает, отчего больше, но преуспел.

У Вити фамилия не в бровь, а в глаз – Хованский. И ховает, что можно, и ховается вовремя от кого нужно. Дослужился до зав. отделом в обкоме комсомола. Ничего не понимает, но все организует. Хитроватый простачок. Знает, что наверх не пробиться, копает вбок. Когда по возрасту стало «сидеть» в комсомоле неприлично, ушел завучем в школу для умственно-отсталых детей. Бывшие коллеги посмеивались, а зря. Он потихоньку директора пересидел, за это время поднаторел в специфике работы с неполноценными детьми и выгоды все пронюхал. И директорствовал себе потихоньку, когда насмешники тонули в Перестроечном штормовом море. Пересидел он там и катаклизмы национального самоопределения нашей бывшей Советской союзной республики, а в стабильное время с инициативами стал выходить, опыт «комсомольский» и тут пригодился. Скоро из небольшого старенького домишки школа переехала в приличный комплекс из нескольких добротных зданий, мастерские открыла для обучения больных и для зарабатывания денег, само собой. Слава, почет, уважение со всех сторон. А главное, стабильность. Он и в личной жизни был очень «стабильным». Жил вдвоем с мамой до самой её смерти, а потом стабильно один. Поначалу – удобно, дальше – хороший сын, напоследок – отдавшийся целиком работе... Бывало, давным-давно, в молодые годы, отдавался он иным увлечениям – на байдарке греб (правда, в одиночку), девушек иногда приглашал на свидание – соответственно притязаниям: некрасивых, нетребовательных, не ожидающих продолжения.

Боре Пыжилкину, будто специально подобрали имя и фамилию. Маленький, крепенький, все пыжился в борьбе за место под солнцем, тужился прыгнуть выше, дальше, быстрее товарищей. Но маловато ему отпустили и не только роста. Интеллекта, манер, харизмы не доставало, сколько не раздувайся. Глаза, увеличенные «дальнозоркими» линзами, выдавали иногда отчаянное осознание безнадежности своих возможностей в гонках. Стоило слегка тронуть его за живое, человеческое, резко прятался или «перебегал в другой домик», как рак отшельник.

– Замучил ты себя докладами и водкой, Боря. Влюбился бы что ли?

Вздрагивает, вспыхивает, давится словами, наконец, формулирует:

– Да ты что, да я, да у меня... у меня жена красавица! Какая любовь?!

– Ну, да, красавица жена и любовь – понятия взаимоисключающие, – печально констатирую я, вспоминая лошадиную морду и статью его супруги.

Георгий обладал устойчивым иммунитетом к идеологическим бредням, номенклатурному карьеризму и, как следствие, внутриклановым междоусобицам. И в сектор его определили подходящий – культурно – массовый. К работе своей он относился, как любой рядовой инженер. Ходил себе на службу, с коллегами поддерживал дружеские отношения, песни пел по служебной необходимости и от души: «Комсомольцы, добровольцы! Нужно верить, любить беззаветно!».

Он верил в дружбу, любовь, хороших людей. Любил милых женщин, вкусную еду, маму, сестер, дочь, жену, пока она не ушла к более прагматичному парню. Не озлобился, простил, отпустил. Жалобы выслушивал на нового супруга, денег давал, из запоя вытаскивал.

Дружил со славными, свойскими разведенками. Женился после совместных застольных песен на одной из них, еще дочку родил. Очень они друг другу подходили – легкие на подъем, открытые, компанейские. Когда налаженная жизнь рухнула в одночасье под перестроечные марши – его директорство школьное, её техотдел – вдвоем выплывали. Кооператив строительный Жора затеял. Поначалу маленькие заказы втроем – с женой и шурином – сами выполняли. Позже связи «комсомольские», отвращение к тяжелому физическому труду, сообразительность и умение считать (физмат, все же окончил, помимо высшей партшколы) вывели на тендеры. И денег стало много, сколько они оба никогда не видели. Кинулись пробовать все новое: еду, технику, одежду, поездки, бани, тусовки. Тут кто-то один должен равновесие держать, чаще жена. Но аппетит к «вкусной» жизни помешал ей вовремя почувствовать опасность. Слишком поздно спохватилась, когда муж стал в пьяном угаре подводить партнеров и заказчиков, рушить сделки. Деньги кончились, копить – не копили никогда, запасов не делали, очнулись оба. Но как только снова встал на ноги, заработал, все пошло по старому кругу. Воронка крутила их много лет. Она выплыла, кружит по краю, а его засосало.

На службе, среди старших товарищей, Митя слыл хорошим парнем. Синеглазый, курносый, улыбчивый, услужливый – просекал субординацию, но не навязчиво, естественно. И только в сильном подпитии вылезало наружу заветное желание проскочить «наверх». В начале смутных времен одним из первых «унюхал», куда ветер дует и, вместо душевных «комсомольских», стал запевать, к удивлению товарищей, казачьи песни. Дальше – больше: зазывал домой, угощал пирогами мамиными, шашку демонстрировал дедовскую, фотографии семейные – «опасные», где деды его – усатые казаки с «важными» погонами – чинно позировали. Шашкой махать научился не хуже ребят из Кубанского ансамбля. Когда Перестройка комсомол упразднила, уже дорожку себе выстроил – прямиком в окружные атаманы. Не буду томить – был он верный Ленинец, и сколько бы водки не выпил (а мог порядочно), шел верной дорогой, карьеру сделал, при самом президенте казачьими делами стал заведовать. Московская пыльца на «обкомовской» закваске быстро сбродила. Ненужные связи отсек, нужные «полезным» браком укрепил, нос держит по ветру...

Вполне естественно, что номенклатурным легко давался бизнес. Удивляло другое – многие из них, при проверке деньгами, катаклизмами, оставались порядочными людьми. Еще больше поражали, выплывшие наружу, немыслимые для простого советского человека «отклонения» – гомосексуализм, наркомания. Один из отставных секретарей, замечательный мужик, подгрел в бизнес-команду бывших подчиненных, как на подбор, порядочных ребят и, как на подбор, красавцев. Дело сладилось и лет десять успешно развивалось, но. Но однажды поутру неженатого, одинокого босса, нашли удушенным в собственной постели. Молодой любовник лишил жизни. Похожая история случилась с пожизненно-большим начальником, оказавшимся большим любителем гашиша. Что ж, «Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.